

Учёный Бай не имел права присутствовать на этом поединке. Как только четвёрка оказалась в цветочном тумане, Ран Вэйжань и Ран Цэньцэнь опустились на колени, а Чанькунь Чжуоюй повернулся к Ли Синлуню. Поставив руки на бёдра, он расплылся в самодовольной улыбке, как у ребёнка, только что победившего в соревновании.

Ли Синлунь: ...

Честно говоря, он не сомневался в силе Чанькуня Чжуоюя. Если бы он судил только по его невероятной мощи, то даже если бы тот заявил, что он Сюэ Цяньцзе, или даже перевоплощение древнего бога, Ли Синлунь, вероятно, поверил бы без колебаний.

Но дело было в другом. Каждый раз, когда Чанькунь Чжуоюй совершал что-то ошеломительное, вызывающее трепет во всём мире, стоило ему оказаться вне поля зрения, как он немедленно принимал самый глупый, нелепый вид, какой только можно себе представить. И именно в эти моменты вера Ли Синлуна рушилась. Он просто не мог принять, что этот человек и есть тот самый Сюэ Цяньцзе, который две тысячи лет назад одним лишь мечом чуть не покорил весь мир культивации, заставил дрожать Куньлунь и объединил демонический путь под своим знаменем.

Разрыв между образом легендарного повелителя и этим... был слишком большим.

Если Чанькунь Чжуоюй и впрямь был перерождением Сюэ Цяньцзе, тогда Ли Синлунь не мог не задаться вопросом: какое же ужасное испытание пережил Сюэ Цяньцзе тысячу лет назад, перед тем как отсечь своё прошлое, чтобы теперь, в новой жизни, он позволил себе пасть до такой степени?

Смешанные чувства, полные сомнений, потянули его вперёд. Он подошёл к Чанькуню Чжуоюю.

Ран Вэйжань и Ран Цэньцэнь всё ещё склонили головы, но Ли Синлунь протянул руку, снял его руки с бёдер и, взяв за ладони, написал на них:

[Держись. Терпи.]

Чанькунь Чжуоюй моргнул, и на лице тут же появилось выражение жертвы несправедливости. Ли Синлунь понимал его состояние. Чанькунь Чжуоюй просто не мог быть счастлив, не похваставшись. Теперь он наконец доказал, кто он есть, и, если бы не стоял так, руки на бёдрах, глядя в небо хотя бы целую палочку благовоний, он почувствовал бы, что весь его великий образ рухнул зря.

Когда одежда Чанькуня Чжуоюя постепенно окрасилась в кроваво-красный цвет, сердце Ли Синлуна внезапно упало. Будто того глупого, милого мастера, которого он знал, больше не существовало, а человек, шедший рядом с ним, превратился в далёкого, недостижимого призрака из легенд. Разумом он должен был желать, чтобы Чанькунь Чжуоюй оказался Сюэ Цяньцзе, ведь с такой силой и статусом у него точно остались где-то сокровища, пилюли,

артефакты, которые помогли бы ему осуществить свою месть. Но в глубине сердца он хотел, чтобы Чанькунь Чжуоюй остался просто учителем, и никем большим.

Такое простое, но такое сложное чувство.

Ран Цэньцэнь и Ран Вэйжань долго стояли на коленях, не получая ответа от «Сюэ Цяньцзе», и наконец осторожно подняли глаза, только чтобы увидеть, как «Глава Секты» и его ученик уровня Формирования Основы держатся за руки и смотрят друг на друга с такой странной, почти тревожной близостью.

Они обменялись взглядами, и у них у обоих возникла одна и та же мысль.

Сердце Ран Цэньцэнь мгновенно наполнилось яростью. С детства она восхищалась Главой Секты, год за годом храня верность его образу. Даже если бы он захотел её лишь как печь для сбора энергии, она бы радостно согласилась. Но видеть, как «Глава Секты» смотрит на кого-то так, с таким теплом, с такой глубиной чувств. Как она могла это вынести?

Она была очень ревнива!

Почувствовав её взгляд, Ли Синлунь вдруг вспомнил, какую любовь эта святая секты Сотни Цветов питала к Сюэ Цяньцзе, и в голову пришла странная мысль. Он выпустил руку Чанькуня Чжуоюя, снял алый шнур, стягивавший его волосы, и позволил чёрным прядям упасть, как водопад, рассеяв часть той давящей, окрашенной кровью ауры.

— Мне не нравится, когда ты в красном, — сказал он нарочито громко, прямо перед ними. — Ты становишься слишком далёким, и я не знаю, как мне быть твоим учеником.

Он до сих пор не понимал, почему Чанькунь Чжуоюй так настаивал на том, чтобы взять его в ученики (подозревал, что это какая-то форма комплекса «вылупления птенца»), но одно он знал точно - эта связь была огромной слабостью для Чанькуня Чжуоюя.

И действительно, Чанькунь Чжуоюй тут же сказал:

— Как пожелаешь.

К счастью, он всё ещё помнил, кто он, и не стал капризно хвататься за рукав.

Ли Синлунь едва заметно улыбнулся, снял прядь своих собственных волос, обвил её алым шнуром и искусно завязал узел, а потом повесил его на деревянный меч Чанькуня Чжуоюя, как кисточку. Этот шнур был частью странного облачения Чанькуня Чжуоюя, и теперь, закреплённый на мече, он даже немного усиливал его атакующую силу. По крайней мере, они больше не будут выглядеть так, будто не могут позволить себе нормальное оружие. К тому же, этот узел назывался «Узлом Мира и Полноты». Технику его он узнал, путешествуя после

достижения Формирования Основы в пятнадцать лет.

Предки ценили длинные волосы, считая их даром родителей, который нельзя легко повреждать. В мирской жизни существовал обычай «завязывания волос». Объединение волос и шнура в «Узел Мира и Полноты» означало доверие своих мыслей другому, желание разделить судьбу, и даже если один обречён на гибель, надежду, что другой сможет жить в мире и радости.

Обычно такой узел дарили дети родителям, или же его создавали только те, кто был связан глубокой, почти родственной привязанностью. Сам Ли Синлунь сделал это инстинктивно. Но в глубине души он хотел передать Чанькуню Чжуоюю хоть частицу своей рассудительности, чтобы тот, хоть на время, смог сохранять достоинство и не раскрыть себя в следующее мгновение.

И в тот самый момент, когда Ли Синлунь повесил кисточку на меч, кроваво-красный оттенок начал исчезать, и Чанькунь Чжуоюю снова стал господином в белом, спокойным, как луна над горами.

Словно сам Сюэ Цяньцзе, поражённый испытанием любви, добровольно положил свой меч и достиг просветления, ради одной улыбки любимого человека.

Эта история была... невыносимо раздражающей!

По крайней мере, так чувствовала Ран Цэньцэнь.

Сначала она не осмеливалась смотреть прямо на «Сюэ Цяньцзе», но чем дольше она смотрела, тем сильнее разгоралась её ярость. В конце концов, она вскочила на ноги, бросив на пару свирепый взгляд.

В мире культивации партнеры одного пола были редкостью. Существовали лишь братья по клятве, скрепившие свои жизни обетами. Среди демонических мастеров встречались пары, но это почти всегда было связано с поглощением энергии, а не с искренней привязанностью. Как глава секты Сотни Цветов, которая шла своим путём, не признавая ни жестокость демонического пути, ни формальности праведных сект, Ран Цэньцэнь не испытывала предубеждений против двух мужчин, находящихся вместе. Просто она считала, что Ли Синлунь, этот хитрый лисий дух, осмелился затуманить разум её великого Главы Секты, и это было совершенно невыносимо!

Ли Синлунь повернул голову, будто случайно заметил свирепый взгляд Ран Цэньцэнь, тут же юркнул за спину Чанькуня Чжуоюю и, изображая испуганного зверька, тихо прошептал:

— Учитель... взгляд Главы секты такой страшный... я боюсь...

Чанькунь Чжуоюй: ...

Этот ученик, которого он всегда воспринимал как холодного, гордого и независимого, вовсе не был таким человеком!

Но сейчас, как учитель, он должен был защитить своего ученика. Чанькунь Чжуоюй сделал шаг вперёд, встал перед Ли Синлунем подняв деревянный меч произнёс с достоинством древнего повелителя:

— Пока твой учитель здесь, тебе не нужно бояться никого в этом мире.

Ран Цэньцэнь: ...

Увидев, как безрассудно действует Ран Цэньцэнь, Ран Вэйжань больше не мог оставаться на коленях. Он поднялся, сложил руки и сказал, обращаясь к обоим:

— Цэньцэнь ещё молода, порывиста и немного наивна. Я сам займусь её воспитанием. Глава Секты Сюэ, позвольте спросить, с какой целью вы посетили нас сегодня? Я слышал от подчинённых, что вы пришли за Гу?

В такой сложной ситуации лучше быстро сменить тему, чем пытаться объясняться.

И действительно, услышав вопрос, Чанькунь Чжуоюй немедленно забыл о конфликте:

— Ничего особенного. — С достоинством быстро ответил он — Только ради моего ничтожного ученика.

От него, как от мастера этого было достаточно. Остальное - дело ученика.

Тогда Ли Синлунь сочинил историю: будто раньше он попал в череду любовных бедствий, за ним охотились могущественные мастера, как мужчины, так и женщины. Но он был человеком чести, не желая становиться чьим-либо партнером, стремясь лишь к искренней культивации. К счастью, однажды, когда преследовали довели его до отчаяния, он прыгнул в Долину Разбитых Душ и там пробудил Чанькуня Чжуоюя, который долгие годы пребывал в запечатанном заточении, балансируя на грани смерти.

[«Запечатанное заточение» — экстремальная форма уединения, когда культиватор замыкается в себе, рискуя жизнью, чтобы прорваться через рубеж.]

Они выбрались вместе, и он стал учеником Чанькуня Чжуоюя. Но преследователи всё ещё искали его, поэтому учитель решил изменить его внешность, чтобы в будущем путешествия проходили без лишних проблем.

Глава и старейшина секты: ...

Эта история рисовала Ли Синлуна как хитрого лисьего духа, который, обманув чувства нескольких могущественных мастеров, был загнан в угол и брошен с обрыва ... или, возможно, прыгнул сам. И, следуя клише центральных равнин, где «под каждым обрывом скрывается старший мастер или сокровище», он нашёл проснувшегося, наивного «Главу Секты», околдовал его своей красотой и хитростью, получил нового покровителя и теперь хочет изменить лицо, чтобы скрыться от прошлых прегрешений.

Это было... невероятно раздражающе.

Пока Чанькунь Чжуоюй слушал эту историю, он думал, что как учителю, мне явно не хватает воображения. Его ученик был куда опытнее.

Но в этот момент Ли Синлунь бросил на него взгляд, словно говоря: Учитель, не недооценивайте себя. Этой способности рассказывать истории вы сами научили меня внизу долины.

Мгновенно успокоившись, Чанькунь Чжуоюй похлопал Ли Синлуна по плечу с выражением: «Ты хорошо учишься».

Судя по словам Ли Синлуна, казалось даже, что он его утешает ... и от этого Ран Цэньцэнь стиснула зубы так, что их скрип было слышно, а даже Ран Вэйжань надел маску человека, чьи мечты рассыпались в пыль.

Но старейшина всё ещё мог сдерживать себя. Он сложил руки и сказал:

— Пилюля перемен лица, верно? Без проблем. Глава секты и я немедленно займёмся её подготовкой. Почётные гости, пожалуйста, подождите здесь.

С этими словами он оставил Чанькуня Чжуоюя и Ли Синлуна в гостевом зале, оставив несколько слуг для обслуживания, а сам вместе с Ран Цэньцэнь быстро удалился в задние покои. Убедившись, что никто не слышит, Ран Вэйжань наконец произнёс:

— Глава секты, вы слишком импульсивны.

— Я не могла сдержаться! — прошипела Ран Цэньцэнь. — Какое величие, какая мощь у Главы Секты! Сегодня я узрела, что он действительно соответствует своему имени. Но как можно допустить, чтобы Глава Секты был ослеплён кем-то вроде НЕГО... Это должно быть следствие его испытания. Как только он восстановит память, он обязательно увидит истинную сущность этого человека!

— Да, я тоже так думаю, — вздохнул Ран Вэйжань. — Но судя по тому, что я видел сегодня,

Глава Секты глубоко привязан к нему. Боюсь, он не слушает наших искренних слов.

— Что же нам делать? — лицо Ран Цэньцэнь было полно боли, разочарования и сердечной муки.

— Ну... — более мудрый и опытный Ран Вэйжань опустил голову, задумался на мгновение, а затем прошептал несколько слов ей на ухо. Она слушала, кивая снова и снова.

Тем временем, в гостевом зале, Чанькунь Чжуоюй и Ли Синлунь продолжали свою игру с записями на ладонях. На самом деле, они могли бы просто передавать голос мысленно, ведь, учитывая репутацию Сюэ Цяньцзе, никто не осмелился бы возражать, даже если бы понял, о чём они говорят.

Но по какой-то причине двое словно получали удовольствие от этого способа общения.

Чтобы сохранить свой непроницаемый образ, Чанькунь Чжуоюй сидел с закрытыми глазами, позволяя своему ученику держать его за руку, будто заявляя всему миру: «Мне нет дела до других. Только ты - важен».

[Если я не ошибаюсь, когда мы уйдём из секты Сотни Цветов, у нас будут деньги.] — написал на его ладони Ли Синлунь.

[Секта Сотни Цветов даст нам деньги?] — тут же ответил Чанькунь Чжуоюй, с живым интересом.

[Нет. Глава Секты не будет заниматься мелочами вроде серебра или камней духовной энергии. Скорее всего, они найдут способ отправить кого-то следить за вами ... вероятно, ту же Ран Цэньцэнь, и по пути мы вообще ничего не будем платить сами. Она покроет все расходы. Секта Сотни Цветов за годы обмена Гу получила бесчисленные сокровища с обеих сторон. Денег у них точно хватает.]

[С таким учеником, чего ещё может желать учитель.] — Мысленно улыбнулся Чанькунь Чжуоюй.

<http://bllate.org/book/14629/1297990>